

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0061.01.02

Мария Гричик

22 августа 2012

Таре #1

- Во-первых, я хотела Вас поблагодарить, что Вы согласились с нами встретиться. Если можете, представьтесь, пожалуйста. Как Ваше имя и фамилия?
- А я вам говорила уже.
- Да, но это надо для архива, для записи. Как Вас зовут?
- Мария Андреевна Гричик.
- В каком году Вы родились?
- В 1928-й.
- И где?
- Давид-Городок.
- Мои коллеги приезжали сюда несколько недель тому назад, и Вы рассказывали им свои воспоминания. И мы сейчас вернулись для того, чтобы эти воспоминания записать на пленку. Скажите, пожалуйста, я так понимаю, что Ваша жизнь так и проходила в Давид-Городке, правильно? А как выглядела жизнь. Давид-Городка до войны, кто тут жил, как вы тут жили?
- Ну, я вам скажу. Как сейчас живет молодежь, наши дети, то мы так не жили. Наша молодежь живет, сравнительно с нашей прошлой жизнью – это небо и земля. Мы тогда трудились на земле, детей растили, скот держали, чтобы корова была, чтобы поросенок был, чтоб кура была и с земли жили. А теперь молодежь ни хлеба не печет, даже ребенку пеленку не помоеет, памперсы, а тогда же не было этих памперсов. Надо было, и пеленки не было. Тут рубашка порвалась, тут низ – на пеленку ребенку.

- Ну ясно. Но я все-таки хотела узнать, вот, в этом Давид-Городке какие люди жили?
- Православные, евреи, поляки. Поляков было тут много, потому что это был пограничный город и с Россией, вот тут двадцать километров Малешево, это уже была граница. А тут в Городке, вот там за мостом, сейчас сожгли, там были две большие казармы, большие казармы и там стояла армия. Там только {кошары} была на границе, а самая сила, крепость была у них в городке. И все военные офицеры, ну солдаты тоже жили в казармах, а офицеры там жили по домам, за мостом. Даже в 36-м году тут был большой пожар, и половина Городка сгорели дома, так эти военные офицеры давали вперед деньги, строй дом, бери страховку, на мои деньги в счет будущей квартплаты и строй дом быстрее.
- А это была польская армия.
- Это была польская армия.
- А сколько было в Городке евреев?
- Вот я же вам говорю, вот вам {непонятно} бы сказал, сколько евреев было, я вам в точности не скажу.
- Ну я не спрашиваю цифру, я просто говорю, как Вам казалось, много или мало?
- Ну много было. Там за мостом только было, за мостом, вот там, где я жила, там было пять-шесть домов. А они жили вот тут, где я сейчас живу, тут было три дома, это все сгорело. Они жили по центральным улицам, где высоко, потому что Давид-Городок тогда, в те годы, вода обливала, долго стояла вода по низу, там евреи не жили. Они были ремесленные, работали и им надо было в центре жить. Они были сапожники, они были, тут много магазинов имели и парикмахеры, две аптеки большие были – это были еврейские.

Каплинский, а другой Юдович. У Юдовича еще здание целое. Еще не пропало. Евреи были они трудяги, коммерческие люди были, трудились.

– А Вы их знали?

– Ну конечно, знали. Я их мало знала, тогда еще была не совершенно взрослая. Но там, за мостом, там жил Борухин фамилия, еврей. А он там имел мельницу и лесопилку и у них была одна дочка Бейла, я с ней дружила. А потом уже как, сказали, что {непонятно}, я ходила около дома, ходила. А, оказывается, отца то брали раньше ее, так как тут всех мужчин, а потом ее с матерью, она тут лежит на кладбище. То я с ней дружила. Так она, как уже еврейские праздники, так она уже меня угощает, ну, чем вкусным. А тогда мы были, этого не имели, такого вкусного. А у них отец работал, работ имел, так они были денежные. А мы вот по простому – хлеб, картошка, такое простое, на что работали. Так она уже, мы, праздник – девочки, приходите ко мне на праздник, у нее и мяч большой есть красивый, а у нас нету, у нас маленький, с тапочек, потому что это надо были деньги, а у нее были игрушки красивые, так мы уже с ней играем. А мама уже на стол накроет, чаю поставит, булки вкусные – это мы к ней ходили, у Бейлы праздник, пойдет к Бейле праздник. Она с нами дружила. Там евреев больше не было, девочек, она с нами дружила. По-русски хорошо они, евреи все ж говорили по-русски. А вот мы по-еврейски не могли, а они по-русски говорили с нами. И дети, и взрослые. Даже, там школа, вот там, за мостом, я там училась, в той школе, так в начальных классах была учительница еврейка. Потому что в школе учились православные по вероисповеданию, поляки и евреи. Так два раза в неделю приходил батюшка и проповедовал православным, ну тут свой класс он собирал православных, а потом приходит рабин, там евреев было много, рабин в свой класс соберет

их и с ними уже, там, молятся, все такое, потом ксендз приходит польский с поляками, вот у нас было три вероисповедования и эти представители приходили два раза в неделю, тогда была религия строго. Теперь то хочешь молись, хочешь не молись.

- А вот эта Бейла. А были ли у нее красивые книжки?
- Ну у нее польские книги, а еврейских книг... ей не нужны были, потому что она, вот уже старшие когда она пошла в пятый, шестой класс, так была еврейская школа тут, в городе была еврейская школа, так там же евреи учились на учебниках еврейских. Но, когда заканчивают уже среднюю школу, то последний год они идут в эту польскую школу, чтобы получить диплом. Потому что еврейский диплом, он не имел силы, чтобы куда дальше учиться, гимназию или на работу – он не имел такой силы. А уже если он получил в польской школе свидетельство, по-польски свидетельство школы, то он уже имел авторитет. А евреев, было еще в младших классах, тогда ходила туда, в польскую школу. По-польски читала, писала, с нами по-русски. Мы в школе, придет учительница, так мы разговариваем с учительницей по-польски, читаем, отвечаем уроки по-польски. А между собой мы по-русски, потому что мы православные, мы русские. А поляки между поляками по-польски, а евреи тоже там в школе, а в классе уже все по-польски, все. И евреи, и поляки, и русские.
- И как изменилась жизнь, когда началась война, когда немцы пришли?
- Ну раньше нас пришли это было при Польше, а потом два года были, в 39-м русские пришли, 39-й, 40-й, в 41-м году стала уже Отечественная война. Когда немцы пришли, ну русские пришли как бы нас освободить от польского ига, мы были довольны, что русские нас освободили, были довольны ими, потому что мой дедушка был

сам при Николае учителем, то он все ругался на мою маму, что почему ты детей не учишь по-русски, а эти поляки переполячат наших детей, они не будут православными, а потом когда пришли наши освободили уже русские, мы довольны были, что это наши, русские, не поляки, а русские. А потом оказалось, что побыли они с нами два-три года. Вот приезжает, я холостяк, офицер, я холостяк. За месяц, за два приезжает жена и пятеро детей. Он тут уже оженился, нечестные были. А при Польше этого не было. При Польше были честные. А русские стали уже тут гулять, но их всех туда не пускали, то в западную нас, ну тут в западной мы жили лучше, чем в восточной. Так они так начальство, кто тут был начальство и семьи, то они тут уже поселились. А потом, значит, когда уже немцы уже, значит, пришли. Тогда же сразу нам же казалось, эти русские нам не понравились, сравните, при Польше была культура, не было обмана, не было, чтобы он гулял с девочкой, нагулял да и убежал, такого не было. Когда гулял, значит, твое, бери. А эти русские приехали холостяками, а за месяц приезжает семья у него. А потом же, когда пришли уже немцы, тут боев не было, тут три человека пало гражданских, когда перестрелка, забирали город, а казармы уже были пустые. Я вам еще про казармы хочу сказать, тут было много поляков, армия. Что значит культура была польская. Они знают, что сейчас будут значит сюда русские идти, там немец. Так они там на дворе, ну площадь большая, они выставили все свое оружие, ну вот орудия, автоматы, так по порядку, я сама видела, я там жила. Выстроили, выстроили, и пришли русские, а перед казармами, там за воротами, бюст предводителя польского, ну тут казармы польские были так предводитель. А эти русские с винтовки стреляют в него, в этот камень. Наши подошел да говорит, что вы делаете, это предводитель

польский, это же камень, что вы это самое. Он давай вот его убивать, двери, окна в казармах. Но поляки это все выстроили. И там жил один гражданский поляк, гражданский. А он там работал в казармах огородником, цветы высаживал. Так они ему выдали все ключи, от казарм, где значит оружие, где продукты, где все, все ключи ему отдали. Были одни казармы и там другие, большущие казармы. Этот подошел, то был пан Бродавка, пан Бродавка, что вы делаете, что вы ломаете, я вам ключи, я вам все открою. А они – иди сам. Я, говорит, пойду. Открывает им одни двери, вот это, говорит, тут продукты, а вот тут амуниция тут, пооткрывал все. Честно поляки отдали этим русским все это. А когда они уже отступали, когда немец шел, они все попалили. Немцы пришли, нам казалось, ну мы русские, так не очень одобряли. Немцы граничат с Польшей, значит будут тоже культурные, как и поляки были. А они пришли сразу школы открыли, ну тут они деньги по-польски уже не шли, ни русские не шли, они марки уже были. Немцы не продавали Беларусь, они Беларусь соединили с Украиной и тут лозунги написали «нимцы даюць зямлі» по-украински, а белорусский язык они не признавали. Нас приурочили к Украине. Открыли школы, пошла и я в школу. Открыли, значит, семь классов открыли. Поучили они три месяца и закрывают школу. Значит, русские не должны быть грамотные. Только, значит, три класса, чтобы только умел расписаться, умел читать и все. А старшие классы всех закрыли школу. Ну, а мы что ж, поколение, тут некоторые учителя были, не успели эвакуироваться, тут остались, то, говорят, война не вечна, война, а вы растете, год за годом, будете недоученные. И мой папа платил пуд жита, потому что тогда деньги никакие не могли, война, никакие, а они еще под Москвой немцы стоят, то платил пуд жита в месяц и учитель приходил на квартиру и нас учил, чтобы мы не

отстали за время войны. Ни меня одну, а собирались по десять человек вот так вот, так учителя кормили и платили ему деньги. Вот это я вам про что, какое мое образование. И польское, и русское, и немецкое. Немцы не дали долго учиться. А потом немцы, немцы тут с мирными жителями я б не сказала, что они плохо обращались, нет. Ну вот у нас уже стали по деревням партизаны. Партизаны уже на Марлине, про Марлин вы знаете, Марлин это от нас двадцать пять-тридцать километров, в лесу такая большая, там был Марлин, Хропунь и Вилье, три деревни. И там, а это все в лесу, так немцы туда как едут, а кругом лес, а партизаны из-за кустов этих немцев снимают, убивают. И они видят, что они там только погибают, а они никак не могут до партизан добраться. Партизан сидит вот так в болоте, а в немца стреляет на дороге. Так они те деревни так. И там, как только началась война, и там в сельсовете был красный флаг, до войны что там висел, он там провисел всю войну. Туда немецкая нога не ступала. И туда уже из России, из Владивостока сюда десант спускали, чтоб партизаны тут больше закрыть. Партизаны были, ну я вам скажу, сразу евреи знали уже там, что там же бьют немцы, этого выбивают. Им может надо было, убьют тоже, убьют все равно, в этот лес добраться. Тогда еще мало партизан было, только такие местные. А потом десант с самолетом там спускались в них, коммунистов с оружием, и там бы они. Вот тут у нас был один жид, Гительман, он был холостяк старый, он имел свой магазин. Его немного прятал, житель его прятал, он дал ему деньги – ты меня прячь. Но этот житель, он рисковал жизнью, не только своей, и семьи. Если бы немцы знали, что вот прячем еврея, то они убили бы и его, и всю семью убили. Ну он ему платил золото, ну что имел, то давал. Он его кормил и на чердаке как в летнее время прятал, а потом такую яму копал, там его прятал. А потом говорит, уже

видишь, партизаны уже есть, идите лучше в партизаны, потому что тут и тебя убьют, и моя семья погибнет. И он пошел в партизаны, этот Гительман. И в начале он там побыл в партизанах, все время пришли, уже когда уже фронт, когда уже тут, Городок, он сюда, он был директором заготзерно, тот Гительман. Побыл он тут, а потом, когда уже граница, уже мирное время, так он поехал в Израиль.

– А этот Гительман, когда прятался, Вы знали, что он прячется там?

– Нет. Хозяин тоже молчал. Он мне скажет, а я еще кому-то – они же всех постреляют. Потом уже мы узнали. Этот Гительман уцелел, он приехал, там директор заготзерно. И он этого крестьянина, который его прятал, подал на суд, этот Гительман, я была на суде.

– За что?

– За то – отдай мне хоть часть моих денег, что я тебе дал, и золото.

– А как фамилия этого человека, который его прятал?

– Это он из деревни, он не из Городка, он на деревне.

– Ну понимаю. Вы его фамилию знаете?

– По-моему, Вергун. А может я и ошибаюсь, я точно не скажу. По-моему, Вергун. А может я и ошибаюсь. Потому что тогда, знаете, уже прошло время. Но я тогда на суде была, так этот судья на этого Гительмана с таким, ну, поругал его. Говорит, и ты хочешь, чтобы он тебя кормил, он тебя поил, одевал, обувал, а ты сейчас хочешь из него, чтобы он тебе вернул деньги и золото. Он же рисковал семьей, своей жизнью.

– Ясно. А теперь попробуем все-таки вернуться в начало войны, и все-таки как изменилась жизнь евреев, когда пришли, когда началась война? Что с ними случилось?

– Когда пришли русские.

– Когда пришли немцы.

- А когда пришли немцы.
- Когда началась война. Ну Вы говорили, что Гительман скрывался, скрывался от немцев. А что делали остальные евреи?
- Тут жили, в своих домах, ждали. Они уже знали, там же раньше уже в Польше всех уже выбивали евреев. Так кто-то держал радио, так он слышал, хоть радио запрещали держать, забирали, но стали знать, что евреев немец убивает. И они жили тут тихонько, ни магазины не работали, и они по хатам.
- А окна у них, ставни были закрыты или открыты?
- Открыты, открыты были. Они жили, они к нашим ходили, выходят на улицу с нашими. А когда уже немецкий патруль идет, мы то не боялись, а они, бедолаги, уже по хатам бежали, по хатам. Ну у них было еще, может где запрятали, но кушать что и кушать. А потом они уже стали знать, что выбивают. Одна такая старшая еврейка говорит, нас побьют и вы нас закопаете а у вас птицы глаза повывывают, это так она нам, детям говорила.
- Как ее звали?
- Не знаю. Старшая еврейка была такая. А она то говорит, вы похороните, а вот кто вас будет хоронить. Что это нас уже не будет. Ну а потом уже когда, это было как раз уже воскресенье, числа я не помню, это был, который, 43-й год. Моя мама, там мы жили за мостом, идет, а тут был рынок, базар в центре, мама идет на базар, а на мосту стоит этот, немец и полицейай и «цюрлик, цюрлик на хаузе», никаких базаров, все по домам, все по домам, никуда не пускали, никого никуда ходить. А потом полицейай говорят, а чего это нас не пускают. Говорит, приехал карательный отряд, это немецкий. Они были в отдельной форме, немцы были в такой зеленой, такой темно-синей, а они такие были страшные, «мит гот» на этом написано. И

потом полицаи говорят, будут евреев забирать. Ну куда их забирать. Ну, говорят, в гестапо на работу. Полицаи тоже не знали. И они сейчас же по этим еврейским домам и забрали всех мужчин. Мужчин таких трудоспособных. Старых таких очень не брали, а трудоспособных мужчин всех забрали и, мол, на работу. На работу. А потом, мы там за мостом, слышим выстрелы, раз выстрел, два, ну никогда мы выстрелы. А что это за выстрелы? А нам через реку передают, наши, что, говорят, евреев бьют. Как бьют? На смерть. А я такая была, смелая такая, отважная, думаю, как это выбивают, мирных жителей, за что их будут бить. Взяла лодку и переехала, потому что нам через мост не давали ходить, лодку и переехала сюда, шла там по той улице, там где евреи жили. И один еврей идет, мужчина, молодой, или это ее сын, или это ее муж, я не знаю, а она за ним бежит, волосы распустила, плачет, кричит. А гестаповец его перед собой. А он ей говорит, что, значит, не иди за мной. А она за ним бежит и кричит, плачет. А этот немец раз «цюррик, цюррик», а она, не знаю, то ли это сын был, то ли муж, молодой был. Он может раза три ей сказал, потом тр-р-р-рык автоматом, и я тут стою, рядом. Она упала, из головы кровь полилась, все. А того погнали, он видел, как ее убили, его погнали. Я как увидела это, давай назад домой. А папа мой был религиозный человек, религия, молился богу, и мама. Так папа мой, как услышал те выстрелы, так папа, я пришла, а папа с мамой сели на коленки и плачут, и молятся Богу, что Господи сохрани, за что же люди погибают, за что. Плачет папа, они Богу молились, а я же им говорю, так говорит, неужели то вы поубиваете, я говорю, я видела, еврейку, говорю, убили. А ты чего там была? Я не говорила родителям, что я иду посмотреть. Потому что папа не пустил бы. А ты чего там была. Говорю, я видела, как немец {непонятно}. Доченька, не иди, сиди дома. Никогда это,

говорит, это Господь так посылал, потому что в Библии пишется, что евреи спасутся как {непонятно}, будет такое. Молятся Богу. А потом уже мой дядя, это папин брат.

- Сейчас вернемся к дяде, папиному брату. Я только хотела у Вас спросить, значит, вот эти. Молодой человек, которого вел, и женщина, которая там сзади. Откуда Вы знали, что это были евреи?
- Там евреи, они же другие. Мы идем по улице, или в школе ученики, то мы знаем что это поляк, а это, мы разделяли, мы разделяли. Это потом, когда они уже были в гетто, то им нашивали желтые эти вот, а до этого не носили, эмблемы еще не давали им. Ну мы знали, евреев мы отделяли, всех мы знали евреев так вот в лицо, кто он такой, так мы знали, разделяли. А, так я говорю, папин брат. И их уже, наших, раньше, чем брать этих мужчин еврейских, так побрали наших мужчин тут уже, не за мостом, а тут, побрали таких трудоспособных, с лопатами на работу. И их погнали на кладбище, вот там, где сейчас они лежат.
- Местных побрали с лопатами.
- Ага. Копайте ямы. А мы, говорят, копаем, тогда же партизан расстреливали. Поймают партизана, да и всю семью расстреливают. Так думают, ямы, это же мы сами себе, партизан каких-то словили да на нас уже, чтобы мы не пошли в партизаны, так нас будут расстреливать.
- Кто это Вам рассказывал?
- Дядя, этот папин брат.
- Как его звали?
- Хорошун Григорий, Хорошун Григорий.
- И что он рассказывал?

- Копаем одну яму большущую, глубокую, а они стоят, эти самые, эсэсовцы и, а туда они ехали на конях и собак держали, большие такие овчарки, собаки, яму одну, потом вторую. Значит, может тут всех уже побьют. Так те мужчины пришли, которые копали эти ямы, все седые. Поседели молодые хлопцы, они со страху. Стоят с автоматами, а ты копай яму. Они не знали, что это евреям. А потом, говорит, видим, немцы на конях, собаки, тогда как раз в поле была уже рожь такая, и жнут дети, женщины. Кто какая старая такая, не сможет идти – то на телегу, конь, на телегу и значит уже везли, а так они шли и так вот. Как дядя рассказывал, те женщины тех детей обнимают, плачут и те матери, и те дети. А они, немцы – не кричать, тихо, не кричать. Это же надо иметь было сердце. Привезли на те ямы, и, вот, говорит, над ямой они семьями становятся, они трах, а те же ожидают, ждут, что их будут расстреливать. Это ужас был, это ад господний был. То оттуда как пришел, туда пошел обычно, а пришел седой, седой пришел. И их положили, так некоторые, даст с автомата, он упал там еще живой, кровь льется а он живой. Потому что сердце. То, говорит, уже мы. Они стоят, значит, закапывать эту яму, накопали, а те стоят над другой ямой. Но перед тем, как их расстреливать, так выступил рабин, попросил у немцев разрешения, рабин вышел, ну свою речь произнес над ними и рабина первого, а за ним тех всех, этих евреев. То, говорит, мы, как закапывали, так земля так еще, они были раненные многие, дышали, а уже в яме лежали. Он пришел, он три дня ничего не ел. Это надо было глазами все видеть, все видеть. Я сейчас рассказываю, у меня все трясется. Это люди, это ж собака сдыхает, и тоже жалко, а это человек, за что, за что. Так тогда всех, вот если бы цыган, так они нам надоели, они обманщики, злодеи, они это самое. А это же трудяги были, трудяги, они у нас хлеб купят, а он нам, портные, он пошьет. Ну так вот

жили. Один этот. Мой папа сапожником был, брал кожу. А это был Филькенштейн его, может неправильно фамилию помню, но так, Филькенштейн, так он имел свой кожзавод и другой, Ронкин, тоже жид, тоже имел свое это самое, завод кожный. Так они давали папе кожу наперед, без денег, а заработаешь – принесешь. Вот так мирно жили, мирно. Не закручивали ничего, это все. Даже, когда уже их погнали в Столин, они думали, что тут мало, в Городке, да там сделали гетто большое в Столине, мужчин побили, а эти семьи, ну женщины, дети, в Столин, в то гетто, там гетто сделали. А там, ну Столин, вы проезжали, видели Столин. А там в Столине было тоже много евреев, они сделали, а лето, сделали гетто, ну и стала получаться инфекция, лето, они голодные, жара. Вот так те еврейские дома, они жили в тех еврейских домах, и они договорились, из {непонятно}, тут был {непонятно}, а там близко {мусар?}, значит, что забирай городецких евреев назад и сделай тут гетто им на месте. Потому что собрать всех вместе, получится, значит, болезнь пойдет. И там их много. И эти евреи шли пешком в Столин, тридцать пять километров, ну стариков то они везли на телегах. А потом их назад гнали, сюда, в Городок, и вот где я живу, тут были еврейские дома, и они сделали им тут гетто, проволокой огородили и тут эти семьи их жили, в этом гетто. А потом, даже они потом, был один наш, русский, не русский, это не так я говорю, он был еврей, парень, и он дружил с нашими русскими хлопцами. Как его звали? Бэнс на него говорили, Бэнс, или это фамилия, или это имя его, но Бэнс. Так они, наши эти хлопцы, наши, говорят, это не еврей, это русский, вон и сало, потому что евреи не ели сало, он ел, он, правда, ел. Он и сало ест, это наш хлопец, не стреляйте его. И он был в милиции, этот Бэнс, дали ему оружие и он охранял в этом гетто, охранял этих своих евреев. Ну менялся, он, потом другой,

третий. А потом. Он же в милиции, все знает этот Бэнс, сказал этим евреям, что, вы знаете, молодежь как-нибудь собирайтесь на Марлин, там партизаны. Через лес пойдете, тут тридцать километров, не далеко, за день, за два, так вы будете живы. Вас тут подержат, а на зиму вас тут не оставят. И они средь белого дня, так под вечер, они запалили тут, где проволока, там еврейские дома, там они жили, они запалили эти два дома и пробовали убежать, там такая молодежь, девчата, хлопцы, такие уже подростки. Этот полицай, их же еврей, Бэнс так им сказал. Ну а тут днем, если бы ночью, так может они успели. Немцы их догнали, поняли этих евреев и их опять в гетто. А потом уже стало холодать. Я опередила рассказ. Раньше, чем их вести на эту яму, они тут в гетто были, и они все знали, мы им говорили, что они – где наши мужчины, где они работают, так мы им всем говорили – ваших мужчин нет. Ваших мужчин побили. Уже мы им сказали. Ну еще один эпизод. Хочу рассказать, когда немцы, когда этих евреев гнали со Столина сюда, а там у нас был огород за, там, за мостом.

- Я все-таки тогда. Потому что очень много всяких фактов Вы говорите, да, и я уже тут, чтобы не запуталась, все-таки я хочу кое-что уточнить. Ну вот Вы говорили, что перед тем, как расстреливали, сначала сделали гетто, да?
- Мужчин забрали, а этих мужчин в гетто.
- Давайте разберемся по порядку. Забрали мужчин. Значит, приехал карательный отряд, сделал оцепление, так?
- Так.
- И велели, из домов вытащили молодых, ну работоспособных мужчин. Вы это видели?

- Я видела. Они когда их гнали на туда, то они эти наши дома, которые по той улице они шли, то вперед шла полиция и сказала всем закрыть окна на ставни.
- Это когда гнали молодых мужчин
- Да, чтобы закрыли ставни.
- Сказали закрыть и Вы ставни закрыли.
- Закрыли.
- А как Вы видели, если Вы ставни закрыли?
- Чердак, чердак, а там же маленькие эти дырочки.
- Ясно. И что Вы видели через эти дырочки? Как это выглядело, вот как их гнали?
- Мужчины шли, они молча, молча шли так, не сравнивая, как овцы гнали их. А на конях немцы с собаками по сторонам, а их вперед, и все.
- Куда их погнали?
- Вот там, где их и постреляли, туда. А наши там копали уже яму до этого. Наши, православные, там копали уже яму.
- Вы слышали выстрелы? Выстрелы слышали? Как их стреляли.
- Нет. Это очень далеко от нас. Я тогда жила за мостом. Тогда я жила за мостом.
- Так мужчин погнали. Как называется это место, куда их погнали?
- Хабище.
- Хабище. И там уже были ямы, да?
- Да. И там наши мужчины стояли. С лопатами.
- И там их, мужчин, расстреляли.
- Да.
- Скажите, пожалуйста, вот ваш дядя, он был именно там?
- Там. Копал яму и закапывал их.

- То есть дядя видел, как расстреливали мужчин?
- Он видел, как рабин первый выступал, потом их это, когда их расстреливали, это на его глазах было. Не только на его, так же много было наших.
- Я понимаю. Но женщин и детей там не было?
- Нет, не было.
- То есть дядя видел, как расстреливали мужчин. А Вы выстрелов не слышали.
- Нет, это далеко.
- Вы видели, что их повели туда?
- И все.
- И все. Через какое время пришел дядя?
- К вечеру пришел уже он, а его туда погнули утром, а он пришел уже к вечеру. Утром их погнали всех, а к вечеру уже он пришел. Ну он же уже, все и говорят, а где евреи, говорит, постреляли всех.
- Какое примерно расстояние между, вот, гетто, скажем так, до того места, где расстреливали? Где вот дядя копал?
- Гетто это тут было.
- Я понимаю, но от гетто до этого места сколько они должны были идти, сколько там, километр, два, десять? Сколько?
- Ну там не десять, там меньше. Это на Хидовск, Хабище, ну километров пять-шесть, вот так.
- И это место называлось Хабище.
- Хидовск, Хабище, там два урочища.
- Так. Видели ли Вы, как возвращались с этого места те, которые их гнали? Ну эти, немцы на лошадях с собаками.
- Нет. Они по центральной улице, у них тут была жандармерия, они уже намеренно туда, а в жандармерию туда никого не пускали.

- Ясно. Теперь, кроме того, что там были немцы с собаками на лошадях.
- И с собаками.
- Да, и с собаками. Кто еще их гнал? Так еще кто-то в охране был? Полицаи там были?
- Только эти эсэсовцы. Они. У них такая форма была, такая. Теперь наши такое носят, я как увижу, так мне аж страшно.
- Что говорил дядя, из чего расстреливали, как расстреливали?
- Автоматами. Наши русские, партизаны, так они винтовками воевали. А у них у всех автоматы. Ну прежде, чем автоматы, так они, говорит, поставили четыре пулемета, они думали, может они будут убегать, еще четыре пулемета. Но пулемет, говорит, не стрелял. Автоматами. Они семьями над ямой встанут – их.
- Подождите, Вы говорите, семьями над ямой встанут. Что значит семьями?
- Ну вот мать, дети, вся семья.
- Мы сейчас говорим о этих ямах, которые видел Ваш дядя. Там, Вы говорили, что там были одни только мужчины.
- Мужчины.
- Так про какие семьи Вы говорите?
- А потом же когда женщины, как женщин гнали из гетто, так они семьями над ямой стояли.
- Как Вы думаете, вот этот немец, который вел этого молодого человека и потом эту женщину убил, которая бежала, куда он его вел?
- Куда и всех мужчин, куда и всех мужчин. Эгих побрали из дому, а этот там где-то видимо припрятался, и он его нашел и гнал, там где все.

- То есть, это было в тот же самый день.
- Да, да, когда всех брали мужчин.
- И Вы. Был такой момент, в начале, когда Вы говорили, что, когда Вы видели, что повели мужчин, и повели, повели, Вы вроде как пошли домой и слышали какие-то выстрелы? Что это были за выстрелы?
- Это выстрелы не помню, это выстрелы были, когда еще только они пришли, так там я и была, за мостом и мой папа, значит, а эти передают уже люди наши, что, говорит, убивают евреев. И папа тогда упал на коленки и стал плакать и молиться Богу.
- Так там были слышны выстрелы?
- Там. А расстреливали тут, там далеко. А это за мостом, далеко.
- Так, подождите. Папа упал на колени. Папа слышал эти выстрелы?
- Слышал.
- Это были какие выстрелы?
- Это когда они их, этих мужчин, брали из дому, да кто убежал, кто прятался, это там.
- А, так эти выстрелы.
- Не над ямою, нет, тут вот, за хатами.
- Ясно. То есть, это были слышны выстрелы из города, из города, да?
- Да.
- Которые были во время того, как забирали...
- Мужчин.
- Мужчин. А Вы говорили, что Вы видели, как забирали мужчин из дома?
- Я видела только как одного вел уже и за ним бежала женщина. А так по улице, улица которой они вели этих мужчин, так они сказали

всем закрыть ставни, мы то в дырочку увидели – мужчины пошли и все.

- Так. Тогда вопрос такой. Когда мужчин выгоняли из домов, собирали, да, Вы это видели?
- Нет. Нет.
- То есть Вы видели только вот когда они шли по этой улице.
- Да. И видели того одного, гнали и женщину, это я видела.
- Ясно. Когда дядя пришел к вам, Вы ему сказали, что Вы видели, как вели этих мужчин?
- А, что когда. Так они все их видели, это ему не новость.
- Что дядя говорил, сколько людей было погнано, чтобы копать яму, сколько было людей, которые копали?
- Ну там было человек двадцать пять, наших, потому что, говорит, копали мы одну, все, потом уже надкопали так уже в человека, половину забрали – да копайте другую яму, а мы уже эту, говорит, заканчиваем, уже высоко, а те начинали другие. И не разрешали нам между собой говорить. Мы же {непонятно} говорим. Так мы копаем, говорим, что, себе? Значит, где-то партизаны, словили партизан, да будут тут нас.
- А что дядя говорил, на каком языке им давали команды?
- У них переводчик был. Немцы все, в гестапо все, они не могли по-немецки говорить. У них был такой немец, что он переводил.
- Так то, что был переводчик, сказал дядя? Он говорил о том, что был переводчик?
- Был.
- Дядя так говорил?

- Ну, немец же не скажет по-немецки – копайте яму. А один там немец был, немец, он же не их, что он по-русски сказал все. А те – я, я, я, я, повторяют его и все. Их, немецкий.
- Значит, дядя сказал, что автоматами стреляли?
- Автоматом. А по бокам, когда только пришли, так поставили пулеметы. Но пулеметом, говорит, не стреляли.
- А что дядя говорил, была ли команда евреям, что вот надо раздеться или как?
- Не всех раздевали, не всех. Вот это дети, это старые..
- Нет, нет, нет. Давайте про мужчин этих говорим. Говорим, мы сейчас говорим о том, что говорил Ваш дядя, что он рассказывал. Вот именно про этот эпизод. Может дядя рассказывал, что там их раздевали или как.
- Нет.
- Не было такого разговора?
- Вот когда уже женщин, так уже многих, многих раздевали.
- Ну, про женщин мы потом поговорим. По какому порядку их там стреляли? Что дядя рассказывал? Всех сразу или ставили по...
- Ставили над ямой, над ямой, вот так.
- Ну какими-то партиями или как? Группами какими-то? Как, что он говорил?
- Они один за другого держались, говорит, ну, дальше от ямы. Плачут, один другого обнимает. Так эти фрицы их толканут над ямой, брик и дальше, других. Толкали туда, на эту яму. А над ямой обнимаются, а немцы приказывали, идите к яме, не идут, так они их толкали.
- Что еще дядя рассказывал про это вот, вот что еще? Про этих мужчин что он рассказывал, про этот расстрел?

- Побили, да и все. Говорит, он говорил, что, говорит, живые еще, говорит, были. Раненый, да упал, и все.
- Женщины, потом которые остались в доме, в домах, они знали, что их мужей повели?
- Да. Да, наши им сказали. Наши, вот эти мужчины, которые там закапывали, то уже пришли, они были в гетто. Даже тут мне одна знакомая была, еврейка, какая знакомая, она, ее муж был, заготовливал сапоги, заготовщик был, я носила, вот так около церкви они жили, да она была в гетто, да я ей приносила пшено. Как уже полицай пойдет на тот угол, так я под проволоку ей того пшена дала, потому что знакомая она моя, она меня позвала, я ей принесла. Она говорит, Марусечка, а где наши мужчины. Говорю, побили ваших мужчин, побили, нету в живых. Наши уже все знали, так уже им говорили открыто, что побили.
- Теперь, если начиная от того, с самого начала, как началась война и вот когда побили мужчин, какое время, промежуток какой прошел, начиная от войны? Вот когда это было, вот когда поубивали этих мужчин?
- 43-й. По-моему, 43-й. Тут уже немцы были власть, хозяева. Уже они и школы, и магазины.
- А это было какое время года? Лето?
- Лето. Потому что рожь была уже вот такая.
- Ну хорошо. Значит, мужчин побили, остались женщины в доме, и как скоро сделали гетто? Как скоро сделали?
- Скоро. Лето, осени не было. Они погнали их в...
- Сначала их погнали, да.
- В Столин, потом обратно сюда.
- Хорошо. Вы видели, как их гнали их города в этот в Столин?

- Не пускали, эти полицаи стояли, эти эсэсовцы, ну издалека видно было, что они по дороге шли, но близко никого не пускали. Далеко.
- Ну хорошо. Издалека что Вы могли видеть?
- Кто с ребенком, вот женщина, так ребенка несет, та за руку тащит, а та какую-то сумочку несет, а то за плечами и вот так вот, они же были бессильные, так шли. А потом, когда уже их, уже их пригнали опять сюда, в наше гетто. Я вам хотела сказать эпизод. И там был наш огород, и огород был загорожен такими кольями, не досками тогда раньше было, а колья вот такие вот, там у нас был огород, и я пошла в тот огород, мама послала, это немножко дальше от нашего дома огород был, и я пошла, нарвала моркови, пора была хорошая, вот такая пора была, может морковка была хорошая. И я иду и кто-то за забором, за теми кольями, стонет. О-о-о-о-о-о-о-о. Таким голосом вот. Я посмотрела, а там вот такой бурьян, крапива, крапива, вот такой бурьян и в той крапиве лежит еврейка. На ней было пальто плюшевое такое, я помню, темно синее, а такая подкладка была, так вот, красная. Она, губы сухие, полопались, глаза там в яме, сама такая вот и она, ну, еврейки они все по-русски говорили – дай мне, девочка, дай мне. Я говорю –на, ту морковку на. И пошла я домой, а домой не так далеко, огородами, зашла. И правда она мне показывала {пить}. Ну я говорю, я тут не имею, я поняла, что она пить хочет. И я пришла домой, и у нас был чай, я тот чай. А я думаю, нет, у нас и корова была, молока ей не понесу. Она голодная, выпьет сырого молока, так тут же будет ей, инфекция будет ей в животе. Я ей, это самое, чаю кипяченого налила бутылку, да мама пекла какие-то коржики, те коржики взяла и огородами, огородами пошла в свой огород опять и в ту щелку я ей, она меня услышала, что я с шорохом, она подняла голосу, говорю, на, с бутылкой, пей и те коржики. Она все хватала мою руку, хотела

целовать. А я говорю – нет, нет, нет, нет. Подала да я и быстро убежала, чтобы меня не обнаружили. Пришла. И я не помню, или может три раза, или четыре я ходила в огород, как будто брала кош, в огород и через ту щелку я ей давала. Она лежала, грязная такая вся. Она мне и сейчас в глазах, сейчас в глазах.

- Сколько ей лет могло быть?
- Ну, она выглядела страшно, такая вот худая, но, или она отстала от той колонны когда прогоняли, но почему она зашла, от дороги было, от дороги, где их гнали, то это было метров двести. Как она оказалась в этом бурьяне. Чего она тут оказалась, я не знаю. А потом, я уже не знаю, или это в третий раз, тоже налила этого чаю, и хотела, и взяла – блины мама пекла, какие-то блины, огородом туда. Папа увидел, мой папа, так говорит – Машенька, а куда это ты несешь? Я говорю, папа, там еврейка лежит в крапиве, такая, говорю, страшная, она есть хочет, так я ей это носила. А он говорит, мое дитя, вся семья наша погибнет, только обнаружат тебя, что ты ее кормишь. Всех расстреляют. Ну так я не пойду. Папа пошел в хату, а я думаю – я приготовила все, папа не видит, да и огородами, огородами, да я туда, в щелку, так уже ее не было там. Уже я ее не застала. Я же ходила и туда, может она переползла. И там река была недалеко, близко, и сюда, но я ее не нашла. Ну я в ту крапиву положила ту бутылку, те блины и бегом домой. Больше ее не видела. Но уже папе я не говорила, что я там была. Потому что папа то, доченька, мы знаем что, говорит, какое это хорошее дело, покормить голодного человека. Но как только полицаи или эта, говорит, эти немцы обнаружат, то расстреляю всю семью, и тебя в том числе.
- Так все-таки какого примерно возраста она могла быть? Молодая, старая.

- Ну она, так как я теперь уже, она была нет, не очень старая, она была может лет пятьдесят, не больше ей было.
- Откуда Вы поняли, что она еврейка?
- Мы всех отделяли.
- Вы говорили, что Вы ходили, носили, значит, этот чай, коржики несколько раз? Несколько раз в один день или несколько раз в несколько дней?
- Несколько дней, не в один день.
- И сколько дней Вы носили ей.
- Я не помню, или три, или четыре раза. Не больше, не больше. Но потом, последний раз. Но я тогда еще, я и боялась и все, она все хватала мою руку, хотела целовать, я не дала. А она все свое кольцо снимала, видимо хотела мне дать его. Я потом уже поняла, но я убежала.
- А Вы бы взяли это кольцо?
- Как бы может близко я была, да тогда, когда я давала ей, на ее руки.
- Ну а если бы она Вам дала бы это кольцо, Вы бы взяли это кольцо?
- Нет. Я вам скажу, почему нет. Теперь уже все равно, их нет. Но я не могу обманывать, я тоже верующая. Я бы это кольцо не могла носить. Это раз. И если бы я это кольцо показала своему папе, он бы меня с хаты выгнал. Тогда некоторые наши, некоторые, не все, но некоторые такие были, что когда уже их побрали женщин, так ходили по еврейским домам и брали там вот те, ну вот вещи брали. Но папа сказал категорически, чтобы вашего там следа не было. Это кровь. Не надо. Я говорю, папа, там девчата ходили, набрали в еврейских домах то и то. И ты там была? Говорю, нет, я не была, я не ходила. Потому что, если бы я принесла, папа увидел бы, сказал, где ты взяла это. Да и дал бы мне.

- А что эти девочки там находили, что они брали там?
- Ну в доме такого вы знаете, что лучшее, то эти ж немцы, полицаи побрали и магазин открыли, торговали этими еврейскими вещами. Ну не долго, долго они не торговали, потому что, прошло недолго, как партизаны спалили этот Городок. Партизаны кода были тут, больше партизанка, а тут уже они были и жандармерия, и полиция и комиссары уже тут. Власть, уже они хозяева. Так партизаны ночью пришли, ну целым отрядом, а там не было не десять, не двадцать, сотни партизан, уже десант был на Марлине, и они пришли в Городок, так они почти весь. А тут все центральные улицы были еврейские. Они все попалили.
- И магазин этот сгорел?
- Сгорел. И пару немцев убили, партизаны, тут они были на посту, не успели убежать, так их застрелили. Так одного над столом вот так вот застрелили. И потом там их похоронили, кладбища были немецкие. А потом, я говорю, ну пусть бы эти могилы немецкие, немцы похоронены были, и на них кресты вот такие вот, ломаные, наши кресты то значит так вот, а их вот так немецкие кресты, ломаные. И хэлм, знаете, что такое хэлм.
- Шлем.
- Шлем железный этот военный на могиле клали и этот крест ломаный. И так оно было, после, уже когда стало мирное время, так наши жители – нам тут такие фрицы не надо, взяли эти могилы все сровняли, сровняли и все.
- А эти девочки, которые ходили по домам и что-то такое там брали, они Вам показывали, что они взяли, что они нашли?
- Ну такое уже, знаете, лучшее все побрали власть, а они вот такое, так одна там, говорит, этот вот, с постели две наволочки я взяла, а та

юбку показывает какую-то старую, но тогда, знаете, старая, я говорю, она на тебя большая. Тогда же не было своего такого вот. Всякая тряпка имела цену так все лучшее они побрали. Так немцы попалили, а такое вот тряпье, то они уже им. Что потребляли, что выкидывали. Может какую-нибудь посуду еще брали.

- А где был этот магазин, в каком доме?
- Уже он, нет его, сожгли.
- Ну это был какой, еврейский дом?
- Еврейский дом по центральной улице.
- И Вы были, Вы смотрели, что там продают?
- Нет. Туда меня батька не пустит.
- А что люди говорили, что там продавали?
- Я даже видела, одна несла, там недалеко соседка, она купила одеяло ватное, такое вот. Я купила одеяло. Ну по дешевке они продавали, я не знаю. А что магазин, а туда я боялась, потому что меня папа побил бы за это. Говорил, чтобы вашей ноги там не было. Это грех. Это кровь.
- А кто там за продавца стоял, в этом магазине?
- Уже его нет, он умер.
- А кто такой?
- Это был местный житель, местный.
- Как его зовут?
- Вот я не помню. По-моему, фамилия его была Березовский, Березовский, продавец Березовский, он уже умер. Он умер, и его все дети умерли.
- И это, так значит. А Вы видели, как в этот магазин свозили вот эти награбленные вещи? Ну полицаи или немцы.
- Нет, нет.

- А как из домов вот полицаи тащили какие-нибудь вещи, доводилось видеть?
- Нет. Полицаи вещи если вещи брали, то не на наших глазах.
- Ясно. А Вы говорили, что вот этот магазин недолго побыл, потому что пришли и спалили. Вот это недолго, это сколько?
- Тоже летом, лето было, разобрали все это, а партизаны пришли после того, как, может, месяц, может шесть недель. Пришли, ночью пришли, тоже тепло еще было. Тепло было. Ночью пришли, спалили все на свете.
- Я хотела уточнить, они спалили только центр вот этот вот, или вообще весь Городок?
- Первым делом я вам скажу, моя бабушка там жила, над этим, над тем, тут в Городке две речки, над {непонятно} там жила, бабушка жила и невестка, вдова и маленький мальчик. Там ничего было не связано, ни с полицией, ничего. Они были – вдова, и старая бабушка, и ребенок. И пришли, запалили хату. Хата была крыта соломой, и она раз. И они вышли, как голые. Спалили. А так вот, в основном, эти полицаи да эти немцы. Они палили где жили немцы, где жандармерия там была большая, где милиция, где из, такие вот эти палили. Ну а уже деревянные дома, один дом горит, там уже и остальные тогда начинают гореть.
- И потом, как спалили, эта жандармерия все еще была там? Где была тогда, куда...
- Казармы еще были целые, они все переходили, даже потом такое было, что партизаны частяком уже приходили сюда из леса, так они приходили к реке, а там немцы над рекой поставили свои бункеры, уже не город там был, на ночь они все шли в казарму. И в бункерах они, чтобы партизаны их там не это самое. Город разделили

пополам. Там были немцы, а тут партизаны. Каждую ночь они тут были хозяева. И потом нашим было жителям мирным плохо. Приходят немцы – вы партизан кормите. Приходят партизаны – вы немцев кормите. А чего же вы их пускаете сюда.